

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
LITERARY STUDIES
HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-213-225

EDN: UOGOPM

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

**Мужики и «мужицкое» в фокусе зрения
Л. Толстого, А. Чехова, П. Романова, В. Шукшина:
проблема коммуникации**

Ф.К. Бесолова

*Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова,
Владикавказ, Российская Федерация*

 kafka61@mail.ru

Аннотация. Вопрос о сущности народного сознания, о способах коммуникации интеллигента-горожанина и деревенского жителя не теряет своей актуальности и сегодня. Цель исследования – рассмотреть писательские установки Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, П.С. Романова, В.М. Шукшина на возможность/невозможность взаимного понимания представителей городской и сельской культур. В качестве задач выдвигаются: анализ прижизненной критики повести Чехова «Мужики», неизменно отсылавшей к сравнению писательских подходов Толстого и Чехова в изображении народа; выявление особенностей конфликта в рассказе Чехова «Новая дача», в повестях «Мужики» и «В овраге», приводящих к провалу коммуникации – разъединенности не столько социальной (между представителями разных сословий) и даже не столько между жителями города и деревни, сколько на уровне личности, – «арифметической», по выражению П.Б. Струве; поиск элементов чеховского подхода к проблеме в отечественной литературе XX в. Делается вывод о том, что художественно воспроизведенная Чеховым драма взаимного непонимания происходила у Толстого – в жизни. Не желая себе в этом признаваться, он до последних дней искал причины в другом, продолжая идеализировать народ. В результате Толстой-философ, идеолог, мыслитель проигрывает самому себе – художнику. Отмечается, что чеховская традиция получила продолжение в творчестве писателя 1920–1930-х гг. Пантелеймона Романова, а во второй половине XX в. писатель, киносценарист, кинорежиссер Василий Шукшин снова напомнил о провале коммуникации между интеллигенцией и народом, заглянув в извечную проблему из «зазеркалья», с обратной стороны – с позиции мужика.

Ключевые слова: народ, интеллигент, интеллигенция, город, деревня

© Бесолова Ф.К., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 января 2024 г.; отрецензирована 13 февраля 2024 г.; принята к публикации 16 марта 2024 г.

Для цитирования: *Бесолова Ф.К.* Мужики и «мужицкое» в фокусе зрения Л. Толстого, А. Чехова, П. Романова, В. Шукшина: проблема коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 213–225. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-213-225>

Peasants and the “peasantly” in the focus of L. Tolstoy, A. Chekhov, P. Romanov, V. Shukshin: the problem of communication

Fatima K. Besolova

North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russian Federation

✉ kafka61@mail.ru

Abstract. The question of the essence of national consciousness, of the methods of communication between an intellectual city dweller and a villager does not lose its relevance today. The purpose of the research is to consider the writing attitudes of L.N. Tolstoy, A.P. Chekhov, P.S. Romanov, V.M. Shukshin on the possibility/impossibility of mutual understanding between representatives of urban and rural cultures. The author analyzes the lifetime criticism of Chekhov’s story “Peasants”, which invariably referred to the comparison of writers’ approaches to the problem of the village and the techniques of Tolstoy and Chekhov’s poetics. The distinctiveness of the conflict in Chekhov’s short story “New Dacha”, as well as in “Peasants” and “In the Ravine”, is highlighted, emphasizing the breakdown of communication. This disconnection is not primarily characterized by social differences between different classes or even between urban and rural dwellers. Instead, it is portrayed as interpersonal disconnect, a kind of “arithmetic,” as coined by P.B. Struve. In addition, a search is being carried out for elements of Chekhov’s approach to the problem in Russian literature of the 20th century. The observation is made that the drama of mutual misunderstanding artistically reproduced by Chekhov occurred in Tolstoy’s life, that Tolstoy, a philosopher, ideologist and thinker, ends up losing the battle to himself, the artist. The continuation of the Chekhovian tradition is observed in the works of Panteleimon Romanov, a writer of the 20s and 30s in the 20th century. In the latter half of the century Vasily Shukshin, a writer, screenwriter, and a film director, also addressed the issue of the breakdown in communication between the intelligentsia and the common people. However, Shukshin approached the eternal problem from a different angle, looking at it through the “looking glass” – the reverse side – from the perspective of a peasant.

Keywords: man, people, intellectual, intelligentsia, city, village

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 5, 2024; revised February 13, 2024; accepted March 16, 2024.

For citation: Besolova, F.K. (2024). Peasants and the “peasantly” in the focus of L. Tolstoy, A. Chekhov, P. Romanov, V. Shukshin: The problem of communication. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(2), 213–225. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-213-225>

Введение

Государственное издательство «Художественная литература» трижды предпринимало выпуск двухтомника «Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников»: в 1955, 1960 и 1978 гг. В двух первых изданиях находим отрывок из книги орловского помещика Александра Александровича Стаховича «Ключки воспоминаний» с подзаголовком: «Власть тьмы», драма Л.Н. Толстого, в котором приводится эпизод инициированного Толстым чтения пьесы крестьянам Ясной Поляны¹. Крестьяне, молча выслушавшие пьесу (основанную, кстати, на реальных событиях), устами бывшего любимого ученика Толстого резюмировали: «<...> Микита поначалу ловко повел дело... а потом сплеховал...» (Стахович, 1960, с. 374). Весь вечер, пишет Стахович, Лев Николаевич был не в духе, объясняя казус сопровождавшим читку неуместным хохотом буфетчика.

Эпизод этот, видимо, показался редактору следующего издания некорректным, бросающим тень на великого классика, и в вышедшем в 1978 г. двухтомнике текст А.А. Стаховича отсутствует. А жаль: титан русской литературы предстает в нем живым, чрезвычайно естественным, со всем обаянием детскости своей натуры.

А.П. Чехов не читал своих произведений крестьянам, понимая, судя по всему, утопичность подобной затеи. Напротив: узнавал свои сюжеты в беседах со случайными попутчиками. Как, например, в переданном А.С. Сувориным знаменательном эпизоде встречи Чехова на волжском пароходе с офицером, в рассказах о жизни которого (собственной и знакомых) писатель узнавал сюжеты своих произведений (Мурина, 1996, с. 16). М. Горький назвал эту чеховскую особенность «страшной силой»: «<...> он никогда ничего не выдумывает от себя, не изображает того, „чего нет на свете“, но что быть может и хорошо, может быть и желательно» (Горький, 2002, с. 328). Это «преображение реальных эмпирической действительности» (Чудаков, 2016, с. 492), «„срез“ быта, „скольжение“ от уровня художественной к эмпирической реальности» (Мурина, 1996, с. 16), вызывающие эффект читательского самоотражения, коррелируется с общекультурными тенденциями, берущими истоки во второй четверти XIX в. и окончательно сложившимися к 1950–1960-м гг. Известный культуролог Г. Кнабе писал о возникшей к этому времени дихотомии двух регистров культуры: жизни «как она есть» с ее человекосоразмерными бытовыми культурными смыслами и традиционной культуры, прежде возвышавшейся над «неотчужденной духовностью» повседневного существования (Кнабе, 1994, с. 158–159).

«Не чужой» прошлому и нынешнему векам, напротив – передавший эстафету ломки стереотипов иерархической шкалы русской классической литературы; снимающий коросту оценочных характеристик, понимающий их «круговорот»: из литературы – в жизнь и обратно², – «Чехов ищет такую фи-

¹ Стахович принимал непосредственное участие в судьбе пьесы: был одним из переписчиков накануне чтения ее крестьянам в яснополянском доме, сам прочел четыре акта (пятый достался автору по причине неразборчивости почерков случайных помощников), присутствовал при попытке обсуждения народной драмы с крестьянами (ноябрь 1886 г.), а позже знакомил с пьесой петербургскую аристократию, включая царя Александра III.

² См. об этом: Сухих, 2007, с. 309–310.

лософию, которая должна быть ориентиром не в абстрактном мире философов, а в конкретном мире людей», пишет И.Н. Сухих (Сухих, 2007, с. 307).

Каковы же результаты пересечения нравственной идеи автора и «людей из жизни», выбранных первым в качестве персонажей, – пронаблюдаем это на примерах Льва Толстого и Антона Чехова, вспомнив и двух писателей, пришедших после них, – Пантелеймона Романова и Василия Шукшина.

Обсуждение

Литературная критика «мужицкой трилогии» Чехова: поэтика Толстого как объект сравнения. В 1897, 1899 и 1900 гг. Чехов опубликовал три произведения, которые по мере появления стали восприниматься как «мужицкая трилогия»: «Мужики», «Новая дача» и «В овраге». Сразу же после первой публикации «Мужиков», в апреле – мае 1897 г., появилось множество критических откликов, авторы которых привлекали для сравнения философию и поэтику Л.Н. Толстого, и не всегда в пользу мэтра.

Начнем со сравнений не в пользу Чехова. Аргументом против рассказа «Мужики», не дающего надежды на какой-либо исход, «по мрачности и безнадёжности» (Игнатов, 1897) далеко оставляющего за собой «Власть тьмы», становится, по мнению И.Н. Игнатова, «залог будущего просветления» в пьесе Толстого.

Н.К. Михайловский тоже в качестве аргумента упоминает Л.Н. Толстого, рассказ «Хозяин и работник». «Мужики» же представляются критиком едва ли не случайными зарисовками автора, не имеющего – используется фраза чеховского профессора Николая Степановича – того, что «называется богом живого человека». И еще более суровый приговор от Михайловского: 1) Чехов «<...> никогда не развернет свой талант во всю меру его силы»; 2) «<...> никаких общих выводов из произведений Чехова делать не следует, да и нельзя» (Михайловский, 1897, с. 121).

Другие мнения критиков комплиментарны по отношению к младшему из двух писателей. В. Буренин тронут «серьезной и глубокой правдой» жизни, нарисованной «<...> с такую художественною простотою и правдивостью, что хотя бы самому Л.Н. Толстому впору» (Буренин, 1897); «<...> есть что-то толстовское в рассказе Чехова», – читаем у другого критика (Я (И.И. Ясинский), 1897).

Часть авторов, отмечая разницу между приемами писателей, отдает предпочтение писательскому подходу Чехова. Так, И.Н. Потапенко, опубликовавший свой очерк под псевдонимом Фингал, предвидя вопросы о Толстом, о его «Хозяине и работнике», сам же заявляет, что «Мужики» – лучшее из того, что появилось в последние годы. Аргументы автора: «В художественное творчество Толстого вошел проповедник <...>. Вы чувствуете себя несвободным, вам что-то повелевают...» (Фингал, 1897). Иначе – у Чехова: «Автор не предлагает вам никакого обязательного вывода <...>. Вы свободны; единственная сила, которая охватывает при чтении этой повести, это – сила художественного изображения» (Фингал, 1897).

Л.Е. Оболенский, отказывая Чехову в глубине («Он рисует почти только одну *внешнюю* сторону явлений, не стараясь почти ни разу проникнуть

в мир душевный...» (Оболенский, 1897)), тем не менее замечает, что Чехов приводит к идее «<...> без малейших натяжек, искренним, живым изображением фактов деревенской жизни» (Оболенский, 1897). Сравнивая «Мужиков» и рассказ Толстого «Хозяин и работник», критик так отвечает на вопрос о свободе читательского выбора, о разнице художественных приемов: «<...> Толстой к своим взглядам на жизнь вообще и на жизнь народа в частности пришел не путем одного только наблюдения фактов жизни, как она есть, – а путем наблюдения их с точки зрения предвзятой теории <...>. Это – уже не наблюдение художника, а *доктрины*, теория моралиста <...>» (Оболенский, 1897). В отличие от молодого коллеги, «Толстой как бы насильственно пригнетает мысль и душу к своему воззрению на жизнь и людей» (Оболенский, 1897). Теоретическая доктрина, основанная на преходящем уме человеческом, только пригибает читателя³.

Другой критик, П.Б. Струве, тоже не обошелся без оппозиции Чехов–Толстой; «Мужики» – «Власть тьмы», остроумно обыграв упоминание старика Акима в одной из статей (судя по всему, имеется в виду статья И.Н. Игнатова в «Русских ведомостях») как символа праведничества: «В морали Акима проявилась правда, о которой сама жизнь никогда не скажет: сим победиши. <...> Думающего читателя Аким должен потрясти своим бессилием сильнее, чем вся прочая тьма и грязь, собранная Толстым. В „Мужиках“ Чехова деревня тоже представлена в безотрадном свете, но там, по крайней мере, нет Акима» (Струве, 1902, с. 125–126).

Толстой и Чехов: дихотомия взаимоотношений. Интересно мнение самих взаимоотноотягивающихся – писательски и человечески – персоналий: Л.Н. Толстого и А.П. Чехова.

Каково было отношение А.П. Чехова к пьесе Л.Н. Толстого «Власть тьмы» и его рассказу «Хозяин и работник»? Известно, что первой из книг, подаренных А.П. Чеховым библиотеке родного города, была «Власть тьмы» с автографом автора⁴. Пьеса, написанная в 1886 г., была разрешена к постановке только в 1895-м. Но Чехов, судя по эпистолярным, был знаком с текстом пьесы и видел ее непрофессиональную постановку: в 1888 г. он слушал отрывки из пьесы в чтении В.Н. Давыдова, а в январе 1890 г. был на любительском спектакле у Приселковых⁵. Свидетельством того, что пьеса «осела» в сознании Чехова, можно считать многочисленные эпистолярные аллюзии к ней и прямые упоминания⁶. О прочтении им «Хозяина и работника» и положительном к нему отношении свидетельствует, в частности, комплимент Д.Н. Мамину-Сибиряку в письме к А.С. Суворину от 23 марта 1895 г.:

³ Добавим от автора статьи: у Толстого, помимо доктрины, есть нечто, что делает произведение вечным, – «гениальнейшее воспроизведение жизни» (Оболенский, 1897). Именно поэтому, сравнивая «Мужиков» Чехова и «Хозяина и работника» Толстого, он оставляет приоритет за последним.

⁴ См.: Письмо к К.Г. Фоти от 3 мая 1890 г. (Чехов, ПССП, т. 4, с. 74).

⁵ См.: Чехов, ПССП, т. 5, с. 377.

⁶ См. письма: к И.Л. Леонтьеву (Щеглову) от 10 января 1888 г.; к В.В. Билибину от 3 или 4 марта 1887 г.; к нему же – конец марта 1887 г.; к М.П. Чеховой от 14 января 1890 г.; к А.И. Сумбатову (Южину) от 28 января 1890 г.; Е.П. Гославскому от 23 марта 1892 г.; к А.С. Суворину от 21 октября 1895 г.; к нему же от 21 ноября 1895 г.

«У него есть положительно прекрасные вещи, а народ в его наиболее удачных рассказах изображается нисколько не хуже, чем в „Хозяине и работнике“» (Чехов, ПССП, т. 6, с. 41).

Высказывался ли Л.Н. Толстой о трилогии Чехова?

Да, и не раз. В примечаниях к повести «Мужики» в академическом собрании сочинений Чехова приводятся высказывания Толстого, записанные сыном и знакомыми писателя. Суть их: «Рассказ „Мужики“ – это грех перед народом. Он не знает народа...»; «Да его мужики – не настоящие мужики»⁷ (Чехов, ПССП, т. 9, с. 527). Такое же недовольство вызвали образы крестьян в рассказе «Новая дача». Д.П. Маковицкий передает фразу, обращенную к В.Г. Черткову: «„Мужики“ Чехова – плохое произведение. Чехов колеблется. „Новая дача“ – прямо отвратительна» (Чехов, ПССП, т. 10, с. 418).

Повести «В овраге» повезло больше: Толстой признавался Горькому, что был очень рад ее появлению; А.Б. Гольденвейзер вспоминал, что хозяин, восхищенный мастерством А.П. Чехова, читал ее в Хамовниках вслух; П.А. Сергеенко рассказывал, что Толстой процитировал строки из повести «В овраге» при встрече с А.П. Чеховым в Гаспре 12 сентября 1901 г. (Чехов, ПССП, т. 10, с. 441).

Прежде чем ответить на вопрос о причинах столь разной реакции Толстого на три произведения мужицкого цикла Чехова, совершив небольшой диахронический экскурс и – что представляется имеющим основания при анализе нашей проблемы – обратимся ко времени после Толстого и Чехова.

Художественная разработка темы народа в русской литературе до Толстого и Чехова. Вернемся к записям А.А. Стаховича, с которых начался наш разговор. Предваряется пересказ не удовлетворившей драматурга «слушательской конференции» упоминанием первых литературных произведений, произведших на молодого Льва Николаевича сильное впечатление, – повести Д. Григоровича «Антон-Горемыка» и книги очерков И. Тургенева «Записки охотника»⁸. Акцент в воспроизведенном признании Толстого – не на художественности или таланте авторов, а на содержании: до повести Григоровича мужик «<...> был запретным плодом в русской литературе <...>, а по цензурным условиям 40-х годов можно было только хвалить

доброго крестьянина. Но говорить об его темной без просвета жизни, о гнете рабства, об его нуждах... «строго воспрещалось» (Стахович, 1960, с. 372–373). Карикатурные, по мнению Толстого, мужики Гоголя в его поэме – дядя Митяй и дядя Миняй – не удовлетворяли первого⁹. В признании значи-

⁷ При этом указывается, что сам Толстой постоянно читал рассказ гостям и домашним. Впрочем, эта двойственность «сердца и разума» свойственна отношению Толстого к молодому коллеге.

⁸ Примечательно, что первый рассказ будущего цикла Тургенева («Хорь и Калиныч») и повесть Григоровича были опубликованы в один – 1847 – год. Годом раньше вышла повесть Д. Григоровича «Деревня».

⁹ Заметим, что на первый взгляд малоговорящие эпизодические образы мужиков в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя гораздо значительнее и символичнее, нежели простая карикатура. Ничего как будто не значащий ленивый диалог «двух русских мужиков», закончившийся так же неожиданно, как и начался, – доседет ли рессорная бричка Чичикова до Моск-

тельности художественных открытий Григоровича Толстой не одинок. В 1879 г. в очерке «Первое мая» (цикл очерков «Круглый год») М.Е. Салтыков-Щедрин писал, что с конца 1840-х гг. мужик стал героем современности, насквозь пропитанной «проблемой о мужике» (Салтыков-Щедрин, 1972, с. 467).

И хотя в VI письме из «Писем о провинции» и его рукописном варианте, заметно отличающемся от окончательного (1868 г.), в «Истории одного города» (1869 г.) и т. д. сатирик отмечает «непрерывные умственные оглушения» народа, приведшие к тому, что «<...> толпа до сих пор сумела вырабатывать из себя только слепое орудие, при помощи которого могут свободно проявлять себя в мире всевозможные темные силы» (Салтыков-Щедрин, 1969, с. 251), Салтыков-Щедрин мечтает поднять с колен потерявший чувство собственного достоинства народ – он не сходит с пути, проложенного поколением 1840 гг.

Действительно, начиная с физиологического очерка 1840-х гг. натуральной школы, названных повестей Д.В. Григоровича, «Записок охотника» И.С. Тургенева, шла теоретическая и художественная разработка темы народа, сопряженная со становлением критического реализма. Н.Г. Чернышевский, признавая в 1855 г. в «Очерках гоголевского периода русской литературы» (статья первая) идущее от Гоголя «решительное стремление к содержанию» (Чернышевский, 1951, с. 184), причем содержанию критическому, предупреждает о грядущих переменах в жизни и словесности. А уже через 6 лет, в критическом очерке «Не начало ли перемены?» (1861), посвященном рассказам Н.В. Успенского, он формулирует эти перемены: «Он пишет о народе правду без всяких прикрас» (Чернышевский, 1951, с. 492). Мнение же о Гоголе довольно значительно расходится с прежними его суждениями: «<...> повести из народного быта г. Григоровича и г. Тургенева со всеми их подражателям и – все это насквозь пропитано запахом „шинели“ Акакия Акакиевича. Прекрасно и благородно <...>. Только какая же польза из этого – народу?» (Чернышевский, 1951, с. 493). Акакий Акакиевич в интерпретации Чернышевского – «круглый невежда и совершенный идиот» (Чернышевский, 1951, с. 493), вызывающий лишь сострадание. Затуманивание недостатков – таково, по мнению критика, было отношение русских писателей к народу. Теперь он предлагает не удивляться «экзотике» последнего, а видеть в нем человека (Чернышевский, 1951, с. 495). Все бы хорошо, но не получается разделить оптимизм автора по поводу якобы решенной задачи сближения образованного человека с народом: «<...> говорите с мужиком просто и непринужденно, и он поймет вас; входите в его интересы, и вы приобретете его сочувствие. Это дело совершенно легкое для того, кто в самом деле любит народ <...>» (Чернышевский, 1951, с. 503).

В 1862–1863 гг. состоялась эпистолярная (частично и публицистическая) историко-философская дискуссия А.И. Герцена и И.С. Тургенева по поводу теории «русского социализма», изложенная первой в цикле статей «Концы и начала». Отводя себе как представителю образованного класса

вы и до Казани, прочитывается метафорически; характеристики покойных крестьян, список которых Собакевич комментирует Чичикову, тоже художественно информативен.

в России («людей рефлексии») скромную роль «передателя цивилизации народу», он предупреждает: «предстоит опасность то низвергаться перед народом, то коверкать его – то называть его убеждения святыми и высокими, то клеймить их несчастными и безумными» (Тургенев, 1988, с. 113). Причина этого, по определению Тургенева, кружения в тумане – в недостаточном осмыслении государственных и общественных форм, созданных усилиями народа. А правда о народе такова: «народ, перед которым вы преклоняетесь, консерватор *par excellence* – и даже носит в себе зародыши такой буржуазии в дубленом тулупе, теплой и грязной избе, с вечно набитым до изжоги брюхом и отвращением (ко всякой гражданской ответственности и самодеятельности)» (Тургенев, 1988, с. 113)¹⁰.

Правда о народе в трилогии Чехова «Мужики», «Новая дача», «В овраге». Интересно, что через 40 неполных лет А.П. Чехов своей повестью «В овраге» (1900 г.) художественно докажет правоту И.С. Тургенева: картины жизни русской деревни – отнюдь не модель «готового социализма»; процесс расслоения ее жителей давно породил жесткий антагонизм между представителями крестьянского сословия. Григорий Петров Цыбукин, «для вида» держащий бакалейную лавку, но на самом деле торгующий чем придется, любит свое семейство больше всего на свете, все остальные жители села Уклево («фабричного села», или «буржуазной деревни») – для него раздражающий фактор: «<...> старик не любил, чтобы к нему подходили мужики со своими просьбами и жалобами: он ненавидел мужиков и брезговал ими <...>» (Чехов, ПССП, т. 10, с. 147). Ненависть его настолько сильна, что даже трагический поворот его судьбы, почти отнявший у него рассудок, не может ее растопить: «Прохожие кланяются ему, он не отвечает, так как по-прежнему не любит мужиков» (Чехов, ПССП, т. 10, с. 178).

Как бы отвечая на умиротворяющий пафос приведенного выше окончания статьи Чернышевского, Чехов в 1899 г. публикует рассказ «Новая дача». Из всего корпуса прозы Чехова этот рассказ – едва ли не чемпион в смысле «провала коммуникации» (термин Ю.К. Щеглова) между интеллигентом и человеком из народа. Если использовать метафору А.Д. Степанова, то в этой «парадоксальной притче без морали» – высшая ступень непонимания (Степанов, 2005, с. 358). Барыня Елена Ивановна, жившая до замужества в Москве в гувернантках, пытается быть понятой крестьянами деревни Обручаново, в трех верстах от которой ее муж, инженер Кучеров, строит громадный мост. Готовность воспитать своих детей в убеждении, «<...> что их жизнь принадлежит не им самим <...>» (Чехов, ПССП, т. 10, с. 123), но мужикам, которых она призывает быть добрыми соседями, не спасла попытки коммуникации – инженер продал дачу, семья вернулась в Москву. И хотя крестьяне, не умея объяснить природу тумана, застилавшего от глаз самое важное, подсознательно тоскуют по былой красоте, которую дарила барыня, помнят, что «<...> было так жалко глядеть на нее» (Чехов, ПССП, т. 10, с. 127), – ком-

¹⁰ В 20-е годы XX в. Пантелеймон Романов «оживит» этот полемический набросок персонажами рассказов о крестьянской жизни.

муникация невозможна; глядеть, но не слышать – замкнутый круг, деревня Обручаново.

Заболевший лакей московской гостиницы «Славянский базар» Николай Чигильдеев (рассказ «Мужики») вместе с женой и десятилетней дочерью приехал в родную деревню в надежде, что дома и стены помогают. Но то, что он видит после долгого отсутствия (его забрали в Москву одиннадцати лет), оказывается несовместимым с его нынешним представлением о жизни. Ему стыдно перед женой и дочерью, он тоскует по «Москвематушке», по чистоте и манерам московских господ, которым он с гордостью прислуживал; его служебный фрак, который он незадолго до смерти достает из сундука и, надев со счастливой улыбкой, бережно кладет обратно, – знак его «арифметического» отличия от мужиков Жукова. Он ненамного развитее последних, но в него и в его семью уже попало нечто, поднимающее человека на ступень выше. Фекла, жена младшего брата, выливающая помой у самого крыльца, да еще и не брезгующая пройтись по луже босыми ногами, интуитивно чувствует это и ненавидит родственников за то, «что им не нравилась эта жизнь» (Чехов, ПССП, т. 9, с. 298).

Предполагалось продолжение повести: вернувшись в Москву после смерти Николая, Ольга поступает на службу в меблированные комнаты «Лиссабон», а Саша живет в маленькой комнатке с тетей, Клавдией Абрамовной, с радостью и гордостью принимающей «хороших гостей». Город тоже не сулит ничего хорошего, и Сашу, судя по всему, ждет участь тетки¹¹.

Посыл А.П. Чехова гораздо шире тезиса о необходимости просвещения и возвращения долга народу. В этом подходе – истинное, не теоретическое только уважение к человеку, признание прав личности, возможности ее развития. И это уважение к человеку идет, прежде всего, от чувства собственного достоинства. И наоборот. При этом понимание социальных «подводных течений» глубоко научно.

Диалог о диалоге в XX в.: творчество Пантелеймона Романова и Василия Шукшина. Самоотражение, самоидентификация читателя, эмпирия как полноправная субстанция «высокой» культуры, так же как и художественно воплощенная невозможность полноценного контакта между человеком культуры и «человеком без культуры», идущие от наследия А.П. Чехова, имеют продолжение в творчестве писателей XX в. Назовем двоих: долгие годы пребывавшего в забвении Пантелеймона Сергеевича Романова (1884–1938) и автора рассказов, пьес, киносценариев, актера и кинорежиссера Василия Макаровича Шукшина (1929–1974).

Коллизия этюда П. Романова «Русская душа» (1916) (схематически частично повторяющего историю Николая Чигильдеева), вероятно, и может быть определена как трагикомическая, но преобладающее впечатление от рассказа – грустное недоумение по поводу абсолютно тупикового провала коммуникации. Профессор Московского университета Андрей Христофорович

---

¹¹ З. Паперный писал об отмеченной Н. Михайловским «двуборотности» чеховских представлений об аде существования подневольного человека – в деревне и в городе» (Паперный, 1976, с. 203).

Вышнеградский приезжает по приглашению братьев на лето в родную деревню. Застывшее, недвижимое невежество без малейшей доли рефлексии, которое наблюдает профессор, не допускает даже мысли о том, что подобная жизнь – ненастоящая (этот эпитет, тем не менее, услышит гость как намек на него самого: «Вот брат, настоящий человек. <...> в этом была косвенная мысль о том, что сам Андрей Христофорович *ненастоящий*») (Романов, 1991, с. 38).

В названиях рассказов Романова, в которых болезненно пульсирует проблема невежества, отсутствия культуры, удивительным образом повторяется слово народ: «Глас народа»; «Крепкий народ. Эпоха 20-го года»; «Нераспорядительный народ»; «Дружный народ»; «Терпеливый народ»; «Гостеприимный народ».

В киноповестях В. Шукшина и его рассказах («Живет такой парень», «Ваш сын и брат», «Позови меня в даль светлую», «Странные люди», «Печкилавочки», «Калина красная» и мн. др.) тоже читается противоречие, комплекс взаимного непонимания города и деревни, простого человека и интеллигента. Он проявляется как стихийный, почти бессознательный протест, иногда – в смешных, гротескных ситуациях (как, например, интервью героя «Печкилавочек» Ивана Расторгуева, устроенное профессором-филологом), иногда приводит к трагическому концу (рассказ «Жена мужа в Париж провожала»).

Шукшин тоже чувствует провал коммуникации между интеллигенцией и народом, заглянув в извечную проблему из «зазеркалья», с обратной стороны – с позиции мужика.

Заключение

Мещанин Антон Чехов не страдал комплексом вины перед народом, не умилялся картинками жизни, далекой от культуры («Во мне течет мужицкая кровь, и меня не удивишь мужицкими добродетелями» (Чехов, ПССП, т. 5, с. 283)). Напротив, он с детства любил «умных людей, нервность, вежливость, остроумие»¹². Все силы молодой души он положил на то, чтобы из собственного «я» вытравить «по капле раба». И вытравил настолько, что, появившись «со стороны» в столичном культурном пространстве, не испытывал комплекса собственной инородности.

Пока деятели культуры ломали шпаги в спорах о социальных противоречиях, пока решали, добро или зло составляет изначальную природу человека, появился писатель Чехов, избегавший слов «мировоззрение», «философия», «настоящая правда» и т. п.; считавший, что дело писателя – правильно ставить вопросы, а не транслировать безапелляционные истины.

В проблеме «мужик и мужицкое» он видел непонимание не только между аристократами и мужиками, но – глубже – между простыми людьми города и деревни, между расслоившимся населением последней, на собственном опыте понимая «арифметическую» (П. Струве) разницу между культурой и ее отсутствием.

¹² В этом же письме к А. Суворину он добавляет аллюзию к авторской ремарке в пьесе Л. Толстого «Власть тьмы» (действие 3, явл. 1): «<...> к тому, что люди ковыряли мозоли и что их портянки издавали удушливый запах, я относился так же безразлично, как к тому, что барышни по утрам ходят в папиютокках» (Чехов, ПССП, т. 5, с. 283).

Тот провал коммуникации, который констатирует Чехов в творчестве, в реальной жизни происходит с Толстым и крестьянами. «Нравственная идея Толстого оказалась вполне чуждой тому типу сознания, от имени которого она формировалась» (Сухих, 2007, с. 310), – пишет И.Н. Сухих по поводу эпизода, с которого начиналась эта статья. Может быть, поэтому мэтру так не понравились «Мужики» и «Новая дача», в то время как к повести «В овраге», герой которой, старик Цыбукин, словно наказан за нелюбовь к мужикам, за категорическое неприятие их мира, Толстой отнесся с одобрением.

Личное противоречие Толстого между художником и идеологом (Толстому художнику «мешает» Толстой-идеолог), по-видимому, имеет корни во взгляде на крестьян со стороны, с комплексом вины дворянина и интеллигента во многих поколениях. Сила художественного воздействия прозы Толстого не слабеет от этого, но социальной, метафизической, экзистенциальной правды больше у Чехова.

Как представляется, коротко упомянутые авторы XX в. продолжают и закрепляют художественную практику Чехова. Таким образом, вопрос о совпадении художественной и эмпирической реальности, о пересечении мировосприятия автора, его нравственной идеи и «людей из жизни», выбранных в качестве персонажей, остается актуальным и сулит, по-видимому, еще много открытий не только в сфере литературной, но и в более широком смысле диалогического взаимодействия «высокой» культуры и повседневности.

Список литературы

- Буренин В. Критические очерки // Новое время. 1897, 11 апреля. № 7587.
- Горький М. Литературные заметки. По поводу нового рассказа А.П. Чехова «В овраге» // А.П. Чехов: pro et contra / сост., предисл., общ. ред. И.Н. Сухих; послесл., примеч. А.Д. Степанова. СПб.: РХГИ, 2002. 1072 с.
- Игнатов И.Н. «Мужики», рассказ А.П. Чехова // Русские ведомости. 1897, 19 апреля. № 106.
- Кнабе Г.С. Общественно-историческое познание второй половины XX века и наука о культуре: проблемы, перспективы и трудности // Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима / Г.С. Кнабе. М.: Индрик, 1994. 528 с.
- Малышкина О.Г. Двойник Зошченко, или Советский Чехов: феномен Пантелеймона Романова. СПб.: Издательство журнала «Нева», 2013. 192 с.
- Михайловский К.Н. Литература и жизнь // Русское богатство. 1897. № 6. С. 97–126.
- Мурия М.А. Чеховиана начала XX века (структура и особенности) // Чеховиана. Чехов и «серебряный век». М.: Наука, 1996. 320 с.
- Оболенский Л.Е. Народ в жизни и народ в литературе // Одесский листок. 1897, 29 апреля. № 112.
- Паперный З.С. «Мужики» – повесть и продолжение // Записные книжки Чехова / З.С. Паперный. М.: Советский писатель, 1976. С. 197–226.
- Романов П.С. Рассказы // Пантелеймон Романов. М.: Правда, 1991. 340 с.
- Салтыков-Щедрин М.Е. Первое мая // // Собрание сочинений: в 20 томах / М.Е. Салтыков-Щедрин. М.: Художественная литература, 1972. Т. 13. 815 с.
- Салтыков-Щедрин М.Е. Письма о провинции. Письмо шестое // Собрание сочинений: в 20 томах / М.Е. Салтыков-Щедрин. М.: Художественная литература, 1969. Т. 7. 696 с.
- Стахович А.А. Ключки воспоминаний («Власть тьмы», драма Л.Н. Толстого) // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 томах. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 1. 616 с.
- Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
- Струве П.Б. «Мужики» г. Чехова // На разные темы. 1893–1901 / П.Б. Струве. СПб.: Типогр. А.Е. Колпинского, 1902. С. 121–132.

- Струве П.Б. «Мужики» Чехова и г. Михайловский // На разные темы. 1893–1901 / П.Б. Струве. СПб.: Типогр. А.Е. Колпинского, 1902. С. 133–146.
- Сухих И.Н. Проблемы поэтики Чехова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. 492 с.
- Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 90 томах. Том 46. Серия 2. Дневники. М.: ГИХЛ, 1937. 573 с.
- Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Письма: в 18 томах. Том V. М.: Наука, 1988. 640 с.
- Фингал (Потапенко И.Н.). О критиках и мужиках // Новое время. 1897, 20 апреля. № 7594.
- Чернышевский Н.Г. Эстетика и литературная критика. Избранные статьи. М. – Л.: ГИХЛ, 1951. 544 с.
- Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Письма: в 12 томах. М.: Наука, 1976. Т. 4. 656 с.
- Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Письма: в 12 томах. М.: Наука, 1977. Т. 5. 679 с.
- Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Письма: в 12 томах. М.: Наука, 1978. Т. 6. 775 с.
- Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Письма: в 12 томах. М.: Наука, 1980. Т. 9. 616 с.
- Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Письма: в 12 томах. М.: Наука, 1981. Т. 10. 600 с.
- Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Сочинения: в 18 томах. М.: Наука, 1977. Т. 9. 495 с.
- Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Сочинения: в 18 томах. М.: Наука, 1977. Т. 10. 544 с.
- Чудаков А.П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: возникновение и утверждение. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2016. 704 с.
- Я (Ясинский И.И.). Чеховские «Мужики» // Биржевые ведомости. 1897, 3 мая. № 119.

References

- Burenin, V.P. (1897, April 11). Critical essays. *Novoe Vremya*, (7587). (In Russ.)
- Chekhov, A.P. (1976). *Complete Collected Works and Letters. Letters* (vol. 4). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Chekhov, A.P. (1977). *Complete Collected Works and Letters. Letters* (vol. 5). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Chekhov, A.P. (1977). *Complete Collected Works and Letters. Works* (vol. 9). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Chekhov, A.P. (1977). *Complete Collected Works and Letters. Works* (vol. 10). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Chekhov, A.P. (1978). *Complete Collected Works and Letters. Letters* (vol. 6). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Chekhov, A.P. (1980). *Complete Collected Works and Letters. Letters* (vol. 9). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Chekhov, A.P. (1981). *Complete Collected Works and Letters. Letters* (vol. 10). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Chernyshevsky, N.G. (1951). Aesthetics and literary criticism. In *Selected Articles*. Moscow, Leningrad: GIHL Publ. (In Russ.)
- Chudakov, A.P. (2016). *Chekhov's poetics. Chekhov's world: Emergence and approval*. St. Petersburg: Azbuka Publ., Azbuka-Atticus Publ. (In Russ.)
- Fingal (Potapenko, I.N.). (1897, April 20). About critics and men. *Novoye Vremya*, (7594). (In Russ.)
- Gorky, M. (2002). Literary notes. About the new story by A.P. Chekhov "In the Ravine". In *A.P. Chekhov: Pro et Contra* (I.N. Sukhoi, comp., preface, general edition; A.D. Stepanov, afterword, note). St. Petersburg: RHGI Publ. (In Russ.)

- Ignatov, I.N. (1897, April 19). “Muzhiks”, the story of A.P. Chekhov. *Russian Vedomosti*, (106). (In Russ.)
- Knabe, G.S. (1994). Socio-historical cognition of the second half of the XX century and the science of culture: Problems, prospects and difficulties. In G.S. Knabe, *Materials for Lectures on the General Theory of Culture and the Culture of Ancient Rome*. Moscow: Indrik Publ. (In Russ.)
- Malyshkina, O.G. (2013). *The double of Zoshchenko, or the Soviet Chekhov: The phenomenon of Panteleimon Romanov*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Zhurnala “Neva”. (In Russ.)
- Mikhailovsky, K.N. (1897) Literature and life. *Russian Wealth*, (6), 97–126. (In Russ.)
- Murinya, M.A. (1996) Chekhov's the beginning of the XX century (structure and features). In *Chekhov and the “Silver Age”*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Obolensky, L.E. (1897, April 29). The people in life and the people in literature. In *Odessa Leaflet*, (112). (In Russ.)
- Paperny, Z.S. (1976). “Peasants” – a story and a sequel. In Z.S. Paperny, *Chekhov's Notebooks* (pp. 197–226). Moscow: Sovetskii Pisatel' Publ. (In Russ.)
- Romanov, P.S. (1991). Stories. In *Panteleimon Romanov*. Moscow: Pravda Publ. (In Russ.)
- Saltykov-Shchedrin, M.E. (1969). Letters about the province. The sixth letter. In M.E. Saltykov-Shchedrin, *Sobranie Sochinenii* (vol. 7). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ. (In Russ.)
- Saltykov-Shchedrin, M.E. (1972). The first of May. In M.E. Saltykov-Shchedrin, *Sobranie Sochinenii* (vol. 13). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ. (In Russ.)
- Stakhovich, A.A. (1960). Shreds of memories (“The Power of Darkness”, L.N. Tolstoy's drama). In *L.N. Tolstoy in the Memoirs of Contemporaries* (vol. 1). Moscow: GIHL Publ. (In Russ.)
- Stepanov, A.D. (2005). *Chekhov's problems of communication*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ. (In Russ.)
- Struve, P.B. (1902). “Peasants” by Chekhov and G. Mikhailovsky. In P.B. Struve, *On Various Topics. 1893–1901* (pp. 133–146). St. Petersburg: Tipogr. A.E. Kolpinskogo Publ. (In Russ.)
- Struve, P.B. (1902). “Peasants” by Chekhov. In P.B. Struve, *On Various Topics. 1893–1901* (pp. 121–132). St. Petersburg: Tipogr. A.E. Kolpinskogo Publ. (In Russ.)
- Sukhikh, I.N. (2007). *Problems of Chekhov's poetics*. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University. (In Russ.)
- Tolstoy, L.N. (1937). *Complete Collected Works and Letters. Vol. 46. Series 2. Diaries*. Moscow: GIHL Publ. (In Russ.)
- Turgenev, I.S. (1988). *Complete Collected Works and Letters. Letters* (vol. V). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Ya (Yasinsky, I.I.). (1897, May 3). Chekhov's “Peasants”. *Birzhevye Vedomosti*, (119). (In Russ.)

Сведения об авторе:

Бесолова Фатима Константиновна, старший преподаватель, кафедра русской и зарубежной литературы, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Российская Федерация, 362025, Владикавказ, ул. Ватутина, д. 46. ORCID: 0009-0003-5036-227X. E-mail: kafka61@mail.ru

Bio note:

Fatima K. Besolova, senior lecturer, Department of Russian and Foreign Literature, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, 46 Vatutina St, Vladikavkaz, 362025, Russian Federation. ORCID: 0009-0003-5036-227X. E-mail: kafka61@mail.ru